

Штекелер-Вайтгофер П.

ФИЛОСОФИЯ КАК РЕФЛЕКСИЯ

Перевод с немецкого языка Владимира Абашиника

1. Понятие философии

Вопрос «Что есть философия?», выяснением которого я хочу заняться в качестве дальнейшего вступления в нашу тематическую сферу, звучит как тема торжественного доклада. Но он недооценивается в своем значении именно из-за этого побочного оттенка и из-за ожидаемой поверхностности или неточности ответов на него. Здесь с ним [вопросом] дела обстоят так же, как и с другими основополагающими философскими вопросами, развивающимися из него, например, с вопросом о смысле («понятии») бытия или с вопросом об истине или о сущности человеческого знания. Если остановиться на последнем примере, то по-разному вопрошается о темах, целях, методах, формах изложения и, может быть, о границах человеческой институции получения знания и традиции знания. Такого рода вопросы и данные на них ответы являются такими значимыми не вопреки, но из-за их всеобщности, а поэтому одновременно их так легко можно понять ложно.

Именно ответы на такие всеобщие постановки вопросов, как они характеризуют философию, нельзя выстроить конструктивно раз и навсегда, в одном линейном ходе движения на прочных фундаментах, и в этом смысле – нельзя указать «синтетически». Как раз здесь часто необходимо аналитическое понимание хода движения рассуждения. При этом вместе с первыми проверочными частичными ответами и очертательно-подобными предрешениями возникают новые уточняющие и обратные вопросы. Ожидание того, что каждый ответ сразу же полностью будет очевиден, является ошибочным в тех случаях, когда весь ответ понимается лишь как одно – даже потенциально бесконечное – следствие вопросов и ответов. Мы понимаем одну сферу, а в этой сфере – определенную речь, текст или теорию всегда относительно предварительного понятия, ввиду предварительного понимания того, что в этой сфере рассматривается и из какой перспективы, с каким интересом и, исходя из какой постановки вопроса, оно рассматривается.

Полностью таковым является как раз понимание, согласно которому предварительные понятия и подчиненные *цели* направляют всякое познание и особенно охватывание, рефлектирующее относительно критериев, к которому обращается *Платон* в своей притче о пещере и которое в конце приводит к отождествлению солнца с понятием *добра*. Взгляд на солнце подразумевает в этой метафоре понимание того, что *системы понятий и объяснений* должны ориентироваться на интересы. В отношении заданных систем такого рода перед нами возникают феномены, прежде всего, как вещи определенного рода, в определенном смысле как схематические теневые образы на фоне взятого самого по себе слишком яркого и необозримого многообразия непосредственного восприятия. Поскольку заданные схемы *сначала* нами не контролируются, а находятся за нашей спиной как уже заготовленные наперед другими, то то, что является нам как непосредственный опыт, часто есть уже просто общепринятой точкой зрения. Последняя будет всегда содержать в себе также частичные сокрытия, которые теоретический диалектик должен раскрыть. Таким образом, философский анализ как методическое искусство уточняющих вопросов и реконструкции понятийных форм не открывает, к примеру, предметы и качества мира по ту сторону феноменов. Напротив, в основе понятия действительности и истины систематически лежит понятие родового, структурного и теоретического значения, а в

основе последнего – практическое понятие значимости. Ни одну классификацию феноменов или вещей, артикулируемую с помощью языка, и ее правильное использование нельзя отделить от ее значимости для нас, от понятия добра, осуществления целей.

Философия и «правильность» ее теорий также существенным образом определена ее задачей. Эта задача всегда охватывает и анализ критериев определения (правильного использования) понятийных различий. При этом важным является понимание, что артикуляция предварительных пониманий и тем титулоподобными наименованиями и метафорическими описаниями существенно отличается от наименований и описаний уже определенных предметов, тождественность и качества которых понимаются наперед в понятийных системах или структурных теориях уже как определенные.

Все более точные определения значений и истин остаются всегда привязанными к предварительному знанию о теме и интересе. Поэтому центральную роль для культуры разума играет *обычное употребление* или *обычай*. Сначала нас необходимо ввести в фактическую традицию родовых форм практики и целых институций, например в установившийся научный процесс или также в философию. А в нее как раз мы фактически уже давно введены. Но каждое сначала пассивное обучение затем всегда необходимо преобразовать в *автономное образование*. Заученные схемы знания должны привести к самостоятельной способности суждения относительно каждой жизненной ориентировки, которая должна определяться конкретно. Для полного содержательного знания недостаточно одной лишь способности делать или «обосновывать» высказывания по заданным критериям и общепринятым правилам, как то можно (правильно) передать далее в процессе обычного «слушания-говoreния». Может быть, именно это и есть основное положение философии – что всегда существует опасность чисто *внешней* передачи человеческого знания или всей культуры или формы жизни и рассмотрения их в формально-суженной перспективе.

2. Что есть метафизика?

В качестве задачи философии часто рассматривается проект или дальнейшее развитие систематической, «метафизической» целостной картины мира, в рамках которой в принципе все фундаментальные и экзистенциальные основные вопросы могут найти ответ. В этом отношении философия выступает в качестве метафизики как конкурентка религии. Как от первой, так и от второй ожидаются ответы на вопросы о правильном отношении каждого отдельного человека к миру и к своей собственной жизни. Но при этом в обоих случаях претензии и ожидания уже как таковые могут быть ложными. Во-первых, требование *глобального* объяснения мира может быть слишком завышенным. Это действительно независимо от того, задается ли этот вопрос богословию, философии или всему комплексу отдельных наук. Во-вторых, тот, кто ожидает от какого-либо учения, что оно разрешит все его проблемы и ответит на его вопросы, подчиняет свой собственный опыт и свою собственную жизнь чужим авторитетам и традициям, заданным правилам и схемам. Уже именно поэтому он, конечно не замечая этого, высказал *неразумное* суждение.

Великие философы осознали таящуюся здесь опасность для автономного мышления и понимания и указали на внутреннее противоречие, когда философы стилизируют себя или (неправильно) понимают себя в качестве мастеров-мыслителей, пророков или основателей систем. Самомышление (*Selbstdenken*), которого требует и которому должна способствовать философия, является таким трудным именно потому, что оно, – если оно само не должно стать заносчивым и тем самым догматическим, – должно осознать свою собственную ограниченность. Особенно тяжелым является

признание, что в наших решениях «за» или «против» допущения мнений в зависимости от заданных традиций всегда сохраняется остаток произвола. При этом, парадоксальным образом, анти-примером востребованной здесь скромности является не какой-либо якобы слишком превозносимый мастер-мыслитель, например, *Гегель*, но скорее здесь таковыми являются якобы скромные, но фактически догматические системы веры высших религий, с одной стороны, а с другой стороны – также только якобы сдержанная научная концепция мира. Конечно, было бы неправильно выделять в этих традициях только лишь догматические застывшие положения, а другие моменты недооценивать.

Теперь особенно следует обратить внимание на то, что слово «метафизический», начиная не позже нового открытия правильного понимания книг *Аристотеля*, которые фигурировали под названием «метафизики», стало двузначным. *Кант* и *Гегель* используют его как в *позитивном* смысле – для обозначения однозначных смысловых анализов, так и в *негативном* смысле (как до этого Юм) – для *критики* произвольных, догматических и вообще не контролируемых имманентно учений о действительности, являющейся трансцендентной, полностью отстраненной от человеческого мира познания, а поэтому безмерно абсолютизированной. Метафизическое соображение в позитивном смысле является понятийным соображением. Метафизика в негативном, трансцендентном смысле часто исходит из того, что формальные истины, например, также аналитические или понятийные положения, неправильно трактуются как реальные высказывания о трансцендентном сверх-мире. Метафизика в смысле, который следует критиковать, – это неправильное, онтическое понимание смысловых аналитических рефлексий и/или их форм выражения.

Понимание метафизики с точки зрения смысловых критериев, что, по моему суждению, как раз отстаивает *Гегель*, направлено именно *против* онтического понимания метафизики. Поэтому оно, как ни парадоксально это звучит, является *критическим в отношении метафизики*. Такая метафизика также является *критической в отношении науки*, а именно потому, что научные учения, когда они понимаются слишком дословно, т.е. схематически, часто переносят различного рода метафизические догматизмы в трансцендентном смысле. Поэтому *глубокой иронией* истории любого смыслового анализа является то, что критические в отношении метафизики рефлексии сами все время находятся в опасности обоснования новой догматической метафизики. Как мы увидим, это относится даже к еще недостаточно продуманному эмпиризму, который сам в виде научного эмпиризма или физикализма снова становится односторонним *мировоззрением*, которое конечно патетически пребывает «по эту сторону».

Критическая философия скептична в отношении любого зафиксированного и готового системного мышления как в традиционном богословии и метафизике, так и в современных научных целостных мировоззрениях. Она трансформирует «онтический» вопрос о существовании абсолютной действительности или объективной истины сначала в «онтологические» вопросы о *понятии* существования, Абсолюта или действительности. Эти вопросы затем следует понимать как смысловые аналитические вопросы о правильном употреблении или значении выражений «объективный», «существующий», «абсолютный» и «действительный». Здесь говорится об анализе формы или идеи речи, в которой эти слова укоренены. Именно так они часто понимались до того, когда более интенсивно начали использовать технику применения знака «кавычек», чтобы устранить здесь двузначность.

В этой связи *Гегель* называет высказывания многоуровневых анализов «спекулятивными», в особенности, когда их предметы уже сами являются рефлектирующими речами. При этом он, очевидно, намекает на дословное значение

латинского термина «speculati» – «наблюдать из более высокой точки» [1]. В соответствии с этим, спекулятивная речь должна и желает изложить обозримо и, тем самым, лучше понять общую взаимосвязь (анализа или рефлексии). Она будет неправильно понятой, если с ней связать трансцендентные, безмерные претензии на действительность. В особенности, правильность или ложность подобного рода спекулятивных высказываний является иного вида, и ее следует оценивать по-иному, нежели правильность или ложность речи объективного уровня, для которой уже определены четкие критерии истинности и обоснованности. Собственно, нет зафиксированных и готовых критериев для мега-уровневых суждений о том, какие критерии мы должны принять, и как мы можем представить обозримо и понять нашу собственную практику суждения и знания в их конституции.

3. Логика, этика, физика

С исторической точки зрения философия еще со времен *Аристотеля* тематически и методически подразделяется на три сферы: логику, этику и физику. При этом логику следует понимать всеохватывающе – как теоретическое или «спекулятивное» рассмотрение основных форм излагающего и рефлектирующего мышления, значения в употреблении и в анализе. Физика – это изложение природы, т.е. заданного нам естественного мира. В качестве философской дисциплины она является рефлексией на формы изложения нашего знания об этом мире. Этика в качестве философской антропологии охватывает теорию основных форм человеческого мира, и тем самым является нечто большим, нежели просто моральная философия. Действительно, понятие нравственности и морали неотделимо от относящейся сюда и ставшей уже давно нормативной картины человека, от идеала автономно высказывающего суждения члена по возможности свободного человеческого сообщества, на которое – как то знал еще *Платон*, и как то затем должен был увидеть *Кант*, – также – сначала имплицитно, а затем, надеемся, также все время и сознательно – ориентируется воспитание человека.

В зависимости от того, рассматриваются ли соответственно тематизированные основные формы – 1) языка или мышления и рефлектирующей речи о них, 2) природы и естествознания, 3) имплицитного нрава и эксплицитной моральной и правовой системы – просто как заданные и только описываются как предмет естественной истории, или же они понимаются как результат того, что мы сами активно сформировали наше изложение мира и наши действия в мире, – философия понимается описательно-метафизически, вместо того чтобы понимать ее – смысло-аналитически и тем самым критически. В критической философии речь идет о понимании того, что следует обосновать и контролировать также целые *формы* деятельности, суждения и изложения и относящиеся сюда *условия* исполнения касательно соответствующих целей. Такой контроль не может (по крайней мере, во многих случаях) ограничиваться претензиями на действительность и знание, которые лишь гласят, что *заданные наперед* условия фактически выполнены. Но как мы можем обосновать сами условия, а не их исполнение? Вопрос четко формулирует основополагающую *методическую* проблему философии.

В тематическом отношении философия особенно заинтересована в возможных и действительных ограничениях артикулируемости, которые обусловлены понятийными основаниями и их целевыми ориентациями. Речь идет о понятийно-определенных границах не, к примеру, знания, а соответствующего понятия истины, «бытия» и «существования».

Философия отличается от образа действий *эмпирической* социальной науки, например, тем, что она также обращает внимание на *частные* основные понятия,

методы и (имплицитные) целеполагания этих наук. Но философия не может претендовать на то, чтобы быть особенной фундаментальной гуманитарной наукой, например, типа фундаментальной антропологии. Хотя она и разделяет вместе с лингвистикой интерес к отношению между выражением и значением, вместе с социологией, психологией или историографией – интерес к развитию знания, вместе с математикой – интерес к логике. Но, соответственно, цели и точки зрения являются здесь полностью различными. Для философии речь идет не об обозримом изложении обычного словоупотребления, а о предварительных условиях того, что такое употребление исполняет свой (соответствующий) смысл и цель. Для нее речь идет не об историческом описании развития науки, а о понимании конечности и брэнности каждого конкретного, не просто идеально или формально рассматриваемого значения и каждого конкретного знания. Для нее речь идет о методе логического смыслового анализа вообще, который в логике математической речи в лучшем случае может видеть идеальный пример и аналог, который необходимо соответственно перевести в зависимости от сферы предмета, поскольку аналогии, – если их понимать схематически и без способности суждения, – также всегда приводят к заблуждениям.

Философия также не является особым авторитетом для проекта или рефлектирующего суждения об этических или моральных критериях оценки. Однако она претендует на то, чтобы эксплицитно выразить имплицитные *формы* этих суждений. Философия не является мета-критикой с особой претензией на способность суждения. Однако, для сохранения всеобщей культуры сознательной рефлексии и разумной критики необходима особая институция и особенный вид культуры языка и форм изложения. Речь идет о традиции и развитии способности вопрошания о предположениях или имплицитных предпосылках обычных форм суждения и деятельности, а также при этом о способности изобретения - в зависимости от сомнительности состояния проблемы – соответствующих *дифференциаций*, если отличий «слишком мало», или *идентификаций*, если аналогии (модели) становятся полезными для конкретизации или тематизации имплицитных форм деятельности или поведения. Такого рода придания форм делают более обозримой для специальных целей изначально необозримую сферу.

4. Предварительное знание и предрассудки

Так как наше предварительное знание и наше предварительное умение всегда задает рамки для развития любого дальнейшего понимания, то мы требуем от введения в определенную сферу как можно лучших предрешений темы и метода. Потому что мы всегда понимаем слова и предложения лишь относительно уже известного нам контекста. Именно поэтому нет языкового понимания без относящегося сюда, часто изначально грубого понимания дела. Это действительно вообще в отношении всего, а не только лишь для технических текстов или научной речи.

Но часто необходимо особое языковое или понятийное обеспечение, чтобы сделать понятной и готовой к принятию суждений тему и целый комплекс дисциплины. Именно если двигаться лишь внутри одной научной сферы, то предполагается, собственно, некое сплетение еще допустимых или интересных вопросов как уже заданных, а многие (другие) проблемные комплексы рассматриваются как уже разрешенные или как не имеющие значения. Тем самым сфера альтернативных высказываний, которые (еще) могут рассматриваться как имеющие смысл, становится ограниченной. В обычном развитии наук целые рамки классификации и изложения принимаются просто такими, какими их сначала представляет обычное фактическое и тем самым часто более или менее случайное положение развития отдельной сферы. Как правило, относительно этого внутреннего положения применяются слова

«правильный» или «истинный» или «обоснованный». Поэтому для внутренней перспективы наук осмысление того, что это вообще *означает* – оценивать одну теорию как истинную, а другую как ложную, или обосновать тезис, – часто является отчасти глупостью дилетанта или изворотливостью философского софиста или риторика. Несмотря на всякое признание относительности понятий знания и применения критериев истины, наука здесь не видит никакой проблемы. Именно поэтому она претендует как раз на исключительную компетенцию открытия или перепроверки (относительных) истин.

Уже сократовский вопрос философии о *понятии* знания и истины направлен как раз против такой самоуверенности экспертов и при этом, в особенности, против нечто само собою разумеющегося, в котором предполагаются некие целые рамки изложения со своими критериями истины и обоснования. Известный контр-вопрос, который позже противопоставили платоновскому *Сократу* также многие интерпретации, звучит так: Откуда философ хочет взять критерии, по которым он будет судить обо всех дисциплинах и теориях? Если этот вопрос прочитать не просто как защиту навязчивых вопрошающих [людей], а воспринять его серьезно, то тогда (критический, а не догматический) философ уже в принципе имел бы ученого там, где он хотел бы его иметь. Собственно, он должен был бы тогда имплицитно признать, что нет вообще вечных критериев для различения между истинностью и ложностью какой-либо теории, разве только что на основании того, что мы *сами уже определили или приняли* критерии этого мега-различения. Тогда обоснование (истины) некоего «X» следует всегда понимать как предъявление того, что в отношении предположенного деления класса положений, теорий или высказываний на две части выполнены условия упорядочения выделенного класса, класса истинных высказываний. Но как же обстоят дела с вопросом – какие критерии и классификации и в отношении каких целей имеют смысл?

Здесь сначала более подробно следует рассмотреть фактическую конституцию наших суждений относительно правильности и ложности. При этом специализации дисциплин означают по сути то, что мы оперируем соответственно специфическими внутренними масштабами, которые определяют то, что следует рассматривать как уже установленное и достаточно обоснованное знание, что является только имеющим смысл вопросом, на который пока еще не дан ответ, а что является вопросом, который (еще) вообще не имеет смысла. Вопрос как просто выражение положения в форме вопроса является, к примеру, еще не имеющим смысла, если *вообще не ясно*, какой ответ считался бы допустимым, подходящим, не говоря уже о том – какой ответ считался бы истинным. Наоборот, как правило, мы не понимаем высказывания тогда, когда мы не знаем, на что они отвечают.

Примечание автора

1) Латинский термин «*speculagī*» означает «наблюдать из сторожевой башни», или также «смотреть в зеркало». Конечно, спекуляции становятся рискованными сделками, если мы находимся *слишком далеко* от того, что является «видимым» или «предвидимым».

Послесловие и примечание переводчика

Пирмин Штекелер-Вайтгофер (Pirmin Stekeler-Weithofer) родился в 1952г. в г. Месскирхе (Федеральная Земля Баден-Вюртемберг, ФРГ), изучал математику, языковедение и философию в университетах Констанца и Берлина (ФРГ), Праги (Чехословакия) и Беркли (США), после чего защитил промоционную докторскую диссертацию (1984г.) и вторую габилитационную диссертацию (1987г.). Далее он

преподавал в университетах Кампинас (Бразилия), Нью-Йорк (США), а в 1992г. был приглашен на должность заведующего вновь основанной кафедры теоретической философии Лейпцигского университета (ФРГ), которую возглавляет до настоящего времени (2009г.). С 2006г. профессор Пирмин Штекелер-Вайтгофер является Президентом Международного Общества имени Людвиг Витгенштейна (Internationale Ludwig Wittgenstein Gesellschaft), а с 2008г. – Президентом Саксонской Академии наук в Лейпциге (Saechsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig).

Основными направлениями творчества П. Штекелер-Вайтгофера являются философия языка, философия точных наук, теория деятельности, философия логики, а в историческом контексте – реконструкция отношения классической философии (Платон, Кант, Гегель) к формально-аналитическому направлению (Фреге, Витгенштейн, Карнап, Квайн). Профессор П. Штекелер-Вайтгофер относится к важнейшим современным исследователям творчества Гегеля. Также он является соиздателем следующих журналов: «Диалектика» (с 2007г. называется «Журнал философии культуры»), «Философский ежегодник Общества имени Й. Гёрреса», а также серии «Основные темы философии» (Издательство Де Груйтер, Берлин).

Среди важнейших монографий П. Штекелера-Вайтгофера следует назвать следующие: «Основные проблемы логики. Элементы критики формального разума», Берлин 1986г. (Grundprobleme der Logik. Elemente einer Kritik der formalen Vernunft), «Аналитическая философия Гегеля. Наука логики как критическая теория значения», Падерборн 1992г. (Hegels Analytische Philosophie. Die Wissenschaft der Logik als kritische Theorie der Bedeutung), «Смысловые критерии. Логические основания критической философии от Платона до Витгенштейна», Падерборн 1995г. (Sinn-Kriterien. Die logischen Grundlagen kritischer Philosophie von Platon bis Wittgenstein), «Что значит мышление? От Хайдеггера через Гёльдерлина к Дерриде», Бонн 2004г. (Was heisst Denken? Von Heidegger ueber Hoelderlin zu Derrida), «Философия самосознания. Система Гегеля как анализ формы знания и автономии», Франкфурт-на-Майне 2005г. (Philosophie des Selbstbewusstseins. Hegels System als Formanalyse von Wissen und Autonomie), «История философии», Берлин 2006г. (Philosophiegeschichte), «Формы созерцания. Философия математики», Берлин 2008г. (Formen der Anschauung. Eine Philosophie der Mathematik).

Настоящий перевод выполнен по изданию: Pirmin Stekeler-Weithofer, 1. Philosophie als Reflexion – ein systematischer Vorgriff, in: ders., Sinn-Kriterien. Die logischen Grundlagen kritischer Philosophie von Platon bis Wittgenstein. Paderborn u.a. 1995, S. 19-25.